

Мой милый повеса

Автор:

[Валери Боумен](#)

Мой милый повеса

Валери Боумен

Игривые невесты #8Шарм (АСТ)

Семья Мэг Тиммонс обременена долгами, и ее выгодное замужество – единственный способ спасти положение. Бойкая сваха, от-лично знающая свое ремесло, берется за дело, – и вот уже скромная девушка, которую раньше никто не замечал, превращается в принцессу лондонского света, не знающую отбоя от поклонников.

Однако Мэг не нужны толпы претендентов на ее руку – ведь сердце ее давно принадлежит виконту Харту Харгейту. Но именно этот блестящий покоритель женских сердец, как назло, упорно отказывается осознать перемену, случившуюся с Мэг, и видит в ней лишь маленькую девочку, с которой когда-то играл.

Что же делать? Как покорить виконта? Охота на Харта начинается!

Валери Боумен

Мой милый повеса

Valerie Bowman

THE RIGHT KIND OF ROGUE

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Перевод с английского И. П. Родина

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

© June Third Enterprises, LLC, 2017

© Перевод. И. П. Родин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Лондон, май 1818 года

– Боюсь, у меня для тебя плохие новости, Мэг.

Резко вскинув голову, Мэг Тиммонс пристально посмотрела на свою подругу Сару, леди Беркли.

– Плохие? Насколько плохие?

Рука замерла на отрезе узорчатой желтой тафты, которую она в этот момент ощупывала. Подруги устроили себе прогулку по лавке на Бонд-стрит, но Мэг, в отличие от Сары, не могла позволить себе разориться на какую-нибудь из этих прелестных тканей. Муж Сары был богатый виконт, а отец Мэг – всего лишь сильно нуждающийся барон. Две юные леди принадлежали к двум абсолютно разным мирам – если не в смысле общественного положения, то уж в материальном плане совершенно точно, – но никогда не допускали, чтобы это омрачало их дружбу. Никогда! Единственной помехой их дружбе была многолетняя вражда между отцом Сары графом Хайфилдом и отцом Мэг бароном Тифтоном. Из-за их распрей девушкам приходилось встречаться в магазинах и других подобных местах, на публике. Время от времени Мэг позволялось навестить Сару в особняке отца, но такое бывало очень редко и всегда под строгим контролем ее исключительно недовольных родителей.

Сара хмурилась и покусывала губы. Дурной знак!

– Что такое? – Рука Мэг чуть дрогнула. – Ты насовсем уезжаешь в Нортумбрию?

Ее ближайшая подруга – единственная! – в прошлом году вышла замуж. Помесье виконта Беркли располагалось далеко на севере. Пока супружеская чета проводила равное время в Нортумбрии и в Лондоне. Но всю зиму Мэг провела в беспокойстве из-за того, что Сара может не вернуться, чтобы помочь ей пройти через хмурые воды ее третьего – третьего! – лондонского сезона.

Сара бросила рассматривать роскошный зеленый шелк, а когда повернулась к подруге, лицо ее было мрачно.

– Это про Харта.

У Мэг упало сердце. Пальцы вцепились в тафту.

Старший брат подруги Харт – наследник графского титула, а пока виконт в своем праве, – умник, каких мало, красавец, острый на язык и вообще исключительная личность с любой точки зрения. Мэг была влюблена в него уже несколько лет, хотя ей и мечтать о нем не следовало.

Сердце забилось где-то у самого горла, пока всматривалась в лицо Сары, а пальцы комкали ни в чем не повинную ткань.

- Так что с Хартом? С ним опять произошел несчастный случай на гонках, да?

Харт частенько напивался и во время попоек имел обычай подначивать собутыльников устраивать гонки на вересковых пустошах за Лондоном. Прошлой осенью во время исключительно опасного заезда пьяный в стельку Харт умудрился опрокинуть свой фаэтон и сломать ногу.

- Нет. - Сара покачала головой. - Хуже. Все намного хуже.

Сердце у Мэг упало, и, глубоко вздохнув, чтобы исчез ком в горле, она оперлась на стену, выпустив наконец из пальцев тафту.

- Он собирается жениться, да?

Наклонившись, Сара обняла подругу за плечи.

- Ну-ну, дорогая! Мы же знали, что этот день настанет. Мне очень жаль, Мэгги.

Мэг с трудом сглотнула. Комната вдруг закружилась перед глазами, цвета померкли, подступила тошнота. Да, правда! Она понимала, что этот день настанет. Харту придется жениться и обзавестись наследником, чтобы обезопасить судьбу графства, а у Мэг не было и полушки за душой: ее приданое отец вчистую проиграл в карты. Сейчас она владела двумя давно вышедшими из моды бальными платьями, одной парой в еще более жалком состоянии туфель, атласным ридикюлем, на котором красовалось пятно от чая, и парой посеребривших лайковых перчаток, которые могли того и гляди расползтись. Ее допускали на светские мероприятия лишь из-за титула, хоть и основательно потускневшего, отца и дружбы со знаменитой леди Сарой. Каждый год на светских вечерах она сидела в сторонке, как вечный цветок с обоев, и увядала на глазах. В свои неполные двадцать один она уже превратилась в настоящую старую деву, но важно не это. Пусть даже она и не была бы цветком на обоях, одевалась в роскошные платья и обладала огромным приданым, отец Харта и ее собственный никогда не позволили бы им пожениться. Но даже если бы и это не было проблемой, существовала другая - так, сущая мелочь: Харт ни словом, ни жестом ни разу не показал, что хоть как-то заинтересован в ней, скорее

наоборот. Если исключить один примечательный случай, несколько лет он просто ее не замечал.

Да, Мэг всегда знала, что настанет день, когда Харт женится, просто не рассчитывала, что это случится так... скоро.

– Кто она? – Закрыв глаза, Мэг приготовилась пережить боль, которая обязательно проявится, как только прозвучит имя будущей графини, отодвинувшись от стены, с притворным спокойствием сцепила руки перед собой. – Это Имоджен Гамильтон, я права? Нет? Тогда Мэри Эстертон.

Обе леди считались бриллиантами чистейшей воды нынешнего сезона.

– Нет, – все так же обнимая Мэг за плечи, покачала головой Сара, – никаких конкретных имен не называлось: просто он объявил, что намерен выбрать себе жену в этом сезоне.

Мэг вздохнула с облегчением. Они с Сарой понимали, что для Харта это поступок: после того, через что ему пришлось пройти с некоей леди Аннабел Кардифф, он был категорически против женитьбы, несмотря на постоянное ворчание отца. Наконец-то, к своим двадцати девяти годам, Харт, судя по всему, изменил свои взгляды.

– Он сказал отцу, что согласен: время пришло, – закончила Сара.

Мэг уныло кивнула.

– Я поняла...

– О, Мэг, не надо так переживать! – воскликнула Сара. – Разрешите я куплю тебе вот этот шелк: из него получится прекрасное новое бальное платье. Зеленый цвет идеально подойдет и к твоим золотистым волосам. Ты станешь королевой бала, будь уверена. Пора всерьез заняться поисками мужа, как ты понимаешь.

Мэг прижала костяшки пальцев ко лбу, пытаюсь справиться с жуткой головной болью.

– Нет, Сара, спасибо. Мы обе знаем, что потребуется куда больше, чем красивое бальное платье, чтобы найти мужа.

Глаза Сары наполнились слезами, и она мрачно посмотрела на подругу. Им обеим было прекрасно известно, почему союз Мэг и Харта невозможен. Дело даже не в давней вражде между их семьями и не в том, что Мэг осталась без приданого: Сара никак не могла донести до подруги, что Харт совсем не тот, кто ей нужен. Частенько она говорила: «Он неисправимый повеса и гуляка и не раскаивается в этом. Никогда и ни к кому он не проявлял никаких чувств: только азарт. Он разобьет тебе сердце. Я не смогу потом жить, если такое случится. Ты такая милая, добрая, скромная! Готова отдать последнее тем, кто нуждается. Харту же наплевать на всех – лишь бы удовлетворить свою похоть».

Мэг похлопала подругу по руке и улыбнулась, постаравшись не выдать грусти:

– Спасибо, что беспокоишься обо мне, дорогая! Да, ты права: пора и мне заняться поисками мужа.

Лицо подруги вмиг просветлело.

– Ну наконец-то! Я счастлива слышать это.

Сара не один год уговаривала подругу забыть о Харте и обратить внимание на какого-нибудь положительного джентльмена. Возможно, наконец появится некий господин, который будет любить ее и относиться к ней как к принцессе, невзирая на отсутствие приданого.

– Но скажи: с чего ты вдруг поменяла свое решение?

В ответ Мэг лишь улыбнулась уголками губ: рассказывать она ничего не собиралась, чтобы подруга не нервничала, – но вообще-то ничего не поменяла. За те несколько минут, что длился их разговор, Мэг пришла к окончательному решению: да, время пришло! Пора заставить Харта влюбиться в нее. У нее есть шанс: незначительный – надо быть честной, – но тем не менее действенный, потому что было кое-что, чего не знала Сара, а именно: что произошло между Мэг и Хартом в ночь накануне ее свадьбы.

Глава 2

– Как, дьявол побери, ты можешь пить в такую рань, Хайфилд?

В ответ Харт опрокинул в рот порцию бренди, проглотил и рассмеялся. Они сидели с зятем в «Бруксе» – клубе для джентльменов. Несомненно, до полудня было еще далеко, и единственной причиной, почему Харт уже поднялся, служило обещание встретиться с лордом Кристианом Беркли. Зять редко просил об одолжении, и Харт подозревал, что эта встреча – дело рук его сестры Сары, но был готов согласиться и с желанием виконта.

– Беркли, старина, – хлопнул он виконта по спине, – только так и можно избавиться от похмелья, ты не знал?

Тот поднес к губам чашку с чаем.

– Нет, не знал, но верю тебе на слово.

Это развеселило Харта еще больше, но чем громче он смеялся, тем сильнее болела голова. Харту очень нравился зять, однако тот становился занудой, когда дело доходило до развлечений. Беркли почти не пил, почти не курил и предпочитал проводить свободное время у себя в поместье на севере Англии или в охотничьих угодьях в Шотландии за чтением книг или резьбой по дереву. Развлечения, которые предлагал Лондон, его не привлекали. Беркли откровенно обожал сестру Харта, и даже сумел предотвратить свадьбу Сары с напыщенным маркизом, заявив на нее свои права. Таким образом, он не только доказал свое чувство к Саре, но еще и спас Харта от неизбежности породниться с маркизом Бренфордом. В общем события для Харта и Сары развивались исключительно удачно, зато все остальные, и родители в частности, были в бешенстве.

Беркли подергал галстук.

– Как поживают... хм... твои родители?

Харт сверкнул улыбкой.

– По-прежнему в ярости, конечно, даже несколько месяцев спустя. Вы с Сарой хорошо придумали – остаться на севере на целую зиму. Дали отцу и матери время остыть.

Гнев отца из-за скандала, который запятнал честь семьи, и из-за того, что дочь вышла всего лишь за виконта, а не за маркиза, правую руку принца-регента, едва ли схлынул за зиму, но говорить об этом Беркли было совсем ни к чему.

Откинувшись на спинку кресла, виконт положил лодыжку в шелковом носке на колено, прикрытое идеально отглаженной брючиной, и покачал головой.

– Родители так и не успокоились, да?

Харт остановил лакея и приказал принести еще один бренди.

– Не переживай. Они будут вести себя прилично. Ради Сары.

– Ну, хоть так. Ты это серьезно насчет еще одного бренди?

– А что тебя удивляет? – Харт поскреб заросшую щеку. Этим утром он жутко опаздывал, поэтому не стал ждать, когда проспится его вечно пьяный камердинер, чтобы побрить его. Господи, этот человек пьет даже больше, чем он! Такого с бритвой в руке близко нельзя подпускать к своему лицу. – Кроме того, сегодня у меня есть повод выпить.

– Неужели? – Беркли подтянул манжеты. С тех пор, как Сара научила его одеваться прилично, виконт был исключительно внимателен к своему костюму. – Что за повод?

– Я женюсь.

В качестве аккомпанемента своему непостижимому высказыванию Харт издал протяжный стон.

Брови у Беркли поползли на лоб, и, оставив чашку, он приложил ладонь к уху.

– Пардон? Должно быть, я ослышался? Мне показалось, что ты произнес слово «женюсь».

Вернулся лакей и Харт, выхватив у него бокал с бренди, одним глотком выпил сразу половину, а потом процедил сквозь стиснутые зубы:

– Все верно.

– Ты? Женишься? – Беркли в таком недоумении захлопал глазами, словно услышал что-то непотребное.

– Да, я! Да, женюсь! – Решительно кивнув, Харт сделал очередной вселяющий мужество глоток бренди.

– Э... И кто она – эта... хм... счастливица? – Беркли поднес чашку к губам и сделал глоток, словно горячий чай мог уберечь его рассудок.

– Пока никаких идей на этот счет, – покачал головой Харт, всерьез раздумывая, не заказать ли еще одну порцию бренди: не будет ли это воспринято как проявление дурного тона? Вполне вероятно.

– Теперь я вообще ничего не понимаю, – совсем растерялся Беркли.

Харт, наслаждаясь моментом, сделал еще глоток.

– Я пока не имею в виду какую-то конкретную девицу, а всего лишь объявил отцу, что подумываю о женитьбе. Раньше при одной мысли об этом меня начинало мутить.

– Тогда что же заставило тебя так измениться?

Харт прошелся растопыренной пятерней по волосам. Истина заключалась в том, что, испытывая отвращение к браку в данный момент, не мог же он ходить в холостяках вечно. Придет время, и ему придется самому затянуть на шее эту петлю и дернуть за веревку. Женщины ненадежны, а брак – это не что иное, как взаимовыгодный обмен. Даже его папаша неоднократно высказывался по этому поводу и во всеуслышание, что их с матерью Харта связывает все, что угодно,

только не любовь. Такая участь ожидает и его самого – сосуществование с целью произвести на свет следующего графа Хайфилда. Пусть так, но тогда зачем удивляться, что он оттягивал этот шаг, как мог?

– Замужество Сары произвело на меня странное впечатление, – признался Харт, хмуро разглядывая остатки бренди в бокале. – Но если ты кому-нибудь скажешь об этом, я вызову тебя на дуэль. – Он поднял глаза на Беркли и опять ухмыльнулся.

– Даю слово, нет, – пообещал Беркли. – Но позволь спросить, каким образом это подействовало на тебя.

Откинувшись на спинку огромного кожаного кресла, Харт вытянулся и скрестил ноги.

– Знаешь, я тоже стал задумываться обо всем этом: женитьба, дети, семья. Вот у вас с Сарой наверняка скоро будет ребенок, и – как на духу – это здорово, что наши дети станут расти вместе. Кузина Николь в детстве была очень близка и с Сарой, и со мной, но вот ее браку вряд ли кто-то захочет подражать. Она не видит своего мужа годами. Последнее, что я слышал о ней, будто живет где-то во Франции, детей нет. Господи, голова кругом! Может, а ну ее к черту, эту женитьбу?

Харт распустил галстук: стоило заговорить о женитьбе, и эта штука начала душить его.

– Возможно, тебе стоит сосредоточиться на более позитивных аспектах женитьбы? Уверяю тебя, их достаточно, – заметил Беркли, устраиваясь поудобнее.

– Поверь, я пытаюсь, – сказал Харт, в сотый раз напомнив себе, почему, в конце концов, пришел к такому решению, хотя, видит бог, это было нелегко. – Нравится мне это или нет, но пришло время и мне обзавестись семьей. Сара – моя младшая сестра, и пока не была замужем, мы жили весело, играючи, но теперь... У меня такое впечатление, что все вокруг только и стремятся поскорее связать себя этими пресловутыми узами: даже Оуэн Монро и Рейф Кавендиш женились; не избежал этой удавки и Кейд – они с Рейфом близнецы.

Вот только этим утром, когда уже бог знает в который раз за эти несколько дней проснулся с раскалывающейся от боли головой, Харт опять подумал, что пора уже остепениться. С каждым разом приходиться в себя после ночных загулов становилось все труднее, не то что в студенческие годы. Замужество Сары навело его на мысль, что ему уже почти тридцать и пора бы уже исполнить свой долг – произвести следующего графа Хайфилда. Как бы то ни было, а долг и честь не были для него просто словами – чувство долга отец вбивал ему в голову с раннего детства вместе с предостережениями по поводу выбора правильной жены.

– Ты прав: многие из наших друзей в последнее время женились, – кивнул Беркли, лениво перелистывая «Таймс» и прихлебывая чай. – Однако мне казалось, что тебя это мало заботит.

– Так и было... до поры до времени – вздохнул Харт. – А теперь вот все же решился пойти по этой дорожке.

Беркли отсалютовал, приподняв чашку.

– За будущую леди Хайфилд! Пусть она будет богатая, красивая и умная.

– Благодарствую!

Харт опять затянул свой питонообразный галстук, и Беркли взгляделся в друга попристальнее:

– А какая леди привлекла бы твое внимание?

Харт покачал головой, потом, подперев кулаком подбородок, задумчиво произнес:

– Даже не знаю, что сказать. Ну, наверное, богатая, со связями, благородная и не охотница за титулом.

– Да, список невелик, – фыркнул Беркли.

– Я же сказал, что не задумывался пока над этим.

Главное – чтобы не походила на его матушку или на вероломную Аннабел Кардифф.

Беркли бросил газету на стол.

– Зная, как решительно настроен твой отец на этот счет, я удивлен, что он не предоставил тебе список подходящих кандидатов.

Харт закатил глаза.

– Да, есть у него такой список, причем с подробнейшими характеристиками.

Беркли склонил голову набок.

– И в чем же тогда проблема?

Харт посмотрел на него как на умалишенного и заявил:

– Я никогда в жизни не позволю своему отцу выбрать мне невесту. Кроме того, глядя на вас с Сарой, у меня появилась надежда, что и я смогу найти себе достойную пару.

– О, Хайфилд, ты имеешь в виду... любовь? – Усмехнувшись, Беркли с преувеличенным удивлением наклонился вперед.

– Давай не будем заходить настолько далеко! – пошел на попятную Харт и глотнул бренди.

Именно это смущало его больше всего. Он знал, что браки по любви существуют, – брак Сары например, хотя выбор сестры настолько разгневал родителей, что отношения между ними и молодой парой до сих пор натянутые. Харт не собирался превращать процесс поиска невесты в драму. В свое время он едва не пошел по стопам родителей и чуть не женился на особе, которой ничего, кроме его титула и состояния, было не нужно. Все, что происходило на ярмарке невест, было сплошь мошенничеством, но Харт скорее воспользуется советами Сары и Беркли, чем своего отца. В конце концов, как говорится, чтобы узнать,

каков пудинг, надо его отведать.

Беркли рассмеялся.

– Что, если ты влюбишься до потери памяти, женишься и превратишься в верного мужа? Даже в ревнивца? Вот это будет картина!

– В ревнивца? Исключено! – усмехнулся Харт. – Я никогда не ревновал: мне это не свойственно. Нет привязанности – нет переживаний. – Он удобнее уселся в кресле и поправил галстук, который сегодня был тесным, как никогда.

– Поживем – увидим. – Беркли поднес чашку к губам, но в глазах у него заплясали чертики.

– Я очень надеюсь на вашу с Сарой помощь: сестра знает почти всех претендентов, да и меня тоже как облупленного. Вы-то нашли друг друга.

Беркли поднял глаза к потолку.

– Должен ли я воспринимать твои слова как комплимент?

– Воспринимай как хочешь. – Харт сделал неопределенный жест в воздухе, избегая встретиться с другом глазами.

Беркли плотнее уселся в кресле.

– Тогда пусть это будет комплимент. У меня такое ощущение, что для Сары это станет настоящим приключением. В последнее время она частенько заговаривает то об одной подруге: мол, пора замуж, то о другой.

– Вы на весь сезон останетесь в Лондоне?

– Да, Саре очень хочется остаться, и я, конечно, буду с ней – во всяком случае, до тех пор, пока твой папаша меня не прикончит.

Харт с сожалением посмотрел на остатки жидкости в бокале.

– Я буду счастлив сыграть роль миротворца.

– Премного благодарен, – шутливо поклонился шурина Беркли.

– А кого именно упоминала Сара?

Отставив бокал, Харт взял со стола вторую половину «Таймс» и принялся лениво просматривать ее.

– Например Мэг Тиммонс.

Харт так вздрогнул, что зажатая в руках газета разъехалась посередине. Отбросив ее в сторону, он схватил бокал и опрокинул в горло остатки бренди.

Мэг Тиммонс! Как не знать ближайшую подругу Сары, дочь отцовского смертельного врага! Именно с ней у Харта прошлым летом произошло то, что он изо всех сил старался забыть.

Глава 3

Мэг совершенно точно знала, кого нужно привлечь на свою сторону: незаурядную личность, лучшего стратега – то есть Люси Хант, молодую энергичную герцогиню Кларингтон, любимицу светского общества, богатую, красивую и очень порядочную. Прославилась же герцогиня тем, что мастерски плела интриги, которые всегда заканчивались созданием любовных пар, а затем и походом к алтарю. Именно такая помощница была нужна Мэг, чтобы попытаться завоевать Харта. С Люси она познакомилась благодаря виконту Беркли, который слыл закадычным другом герцогини, а также ее окружения.

Значит, придется нанести визит герцогине, и немедленно! Сезон вот-вот начнется, и уже на первом балу Харт может встретить свою суженую.

На следующий день Мэг надела свое самое лучшее платье, в сотый раз почистила, как смогла, старые лайковые перчатки и за неимением драгоценностей нацепила бижутерию. Ей подали выдавшую виды семейную

карету, и вместе с давным-давно не получавшей зарплаты горничной – одной из тех немногих, что еще не разбежались, – отправилась в городской особняк Кларингтонов в отведенное для визитов время.

Герцогиня встретила ее тепло и сама провела внутрь дома, богатство и роскошь которого поражали. Люси выглядела очаровательно в платье изумрудного цвета, с вьющимися черными волосами, собранными в высокий узел, и необычными глазами: голубым и зеленым. Хозяйка и гостя расположились в одной из шикарных гостиных, куда подали чай и кексы, и предались праздной беседе.

– Вы не поверите, – первой заговорила хозяйка. – На прошлой неделе одна из моих служанок вдруг пропала почти на два часа, ее нигде не могли найти, и нам пришла мысль проверить кладовую, где хранилось столовое серебро. Оказалось, что дверь случайно захлопнулась, и бедняжка осталась внутри. С этой дверью такое уже не впервые.

– Просто возмутительно! – с улыбкой поддержала беседу Мэг, стараясь не обращать внимания на нервные спазмы в желудке, как бывает, когда выпьешь слишком много шампанского.

– Вы тоже так считаете? – Люси сделала глоток очень сладкого чая. – Я попросила одного из лакеев починить ее, но у него ничего не вышло. Боюсь, придется полностью заменить всю хитрую конструкцию, иначе ни одна служанка и на милую к ней не подойдет. И разве можно их за это винить?

Мэг набрала в грудь воздуха, сжала трясущиеся колени: раз, два, три... – и начала:

– Ваша светлость...

– Нет-нет, – перебила ее Люси. – Мы же договорились, Мэг.

Они уже давно общались без формальностей, но из-за своей взвинченности девушка совершенно выпустила это из головы.

– Да, конечно, Люси, – кивнула Мэг и поднесла чашку с чаем к дрожащим губам. – Я хочу кое о чем вас попросить.

На губах герцогини заиграла прямо-таки кошачья улыбка. Сдвинувшись на самый краешек кресла, Люси, заинтригованная, спросила:

– Что случилось? Вам нужна помощь? Вы же знаете, я просто обожаю, когда ко мне обращаются с какими-либо просьбами.

На секунду закрыв глаза, Мэг глубоко вдохнула и, наконец решившись, изложила свою историю, а когда закончила, заключила:

– Теперь вы все знаете. Вы даже не представляете, как я нуждаюсь в вашей помощи, и существенную роль здесь играет время.

Поднявшись, герцогиня принялась расхаживать по гостиной, а Мэг с беспокойством наблюдала за ней. Сделав один круг по комнате, потом второй, она наконец остановилась, постукивая кончиками пальцев по щеке.

– Начнем вот с чего. Вы поступили очень мудро, обратившись сразу ко мне. Как вам, должно быть, известно, я много кому помогла, хотя и не все просили меня об этом.

– Вы действительно считаете, что есть надежда, Люси? – спросила Мэг, затаив дыхание, и так наклонилась вперед, что еще немного, и свалилась бы с кушетки.

Колени у нее тряслись, чашка звякала о блюдце, а чувствовала она себя так, словно ее того и гляди вырвет.

Люси одновременно прекратила кружить по комнате и барабанить себя по щеке.

– Будет нелегко, – вздохнула Люси. – Тут и давняя семейная вражда, и полное отсутствие приданого, что достойно самого искреннего сожаления.

Мэг поставила чашку на столик, так что красноречивое позвякивание фарфора прекратилось.

– Да, я знаю, и готова к...

– Тем не менее, – продолжила свою мысль Люси, – вы исключительно привлекательны, а также умны и решительны, не говоря уж о том... – Герцогиня сделала паузу и опять улыбнулась по-кошачьи. – О том, что помогать вам буду я. Но есть два вопроса, которые я должна вам задать, два исключительно важных вопроса.

Мэг замерла. Только бы Люси согласилась ей помочь. Она же готова на все.

– Спрашивайте, – произнесла девушка, судорожно вздохнув, и Люси повернулась к ней.

– Итак, первый. Я должна знать, почему вы влюбились в него. Или, по крайней мере, почему вам так кажется.

Мэг захлопала глазами. Как ответить на этот вопрос? Просто влюбилась, и все. Мы же не задаемся вопросом, почему солнце всходит и заходит, а воспринимаем это как факт.

Мэг откашлялась.

– Дайте подумать. Скорее не «почему?», а «за что?» Он красив, обаятелен, остроумен, дружелюбен – то есть хорош абсолютно во всем.

– Да, вы правы: все так, моя дорогая, – но должно быть что-то еще, более глубокое.

Глубокое?

– Он обожает свою сестру, доброжелателен со слугами, никогда не пройдет мимо нищего, не подав милостыни, и не важно, сколько монет у него в кармане.

Мэг не знала, что еще сказать, и лишь вздохнула.

– Да, все это выдающиеся качества, – согласилась Люси. – Но ведь вокруг множество мужчин. Почему именно он?

Мэг покусала губы и промямлила:

– Я влюбилась в него, когда мне было шестнадцать.

Герцогиня сложила руки на груди.

– Да, это факт биографии, но никак не ответ на мой вопрос.

– Неужели это так важно?

Мэг умоляюще посмотрела на герцогиню. Да, ей говорили, что с Люси очень непросто, но что ее будут допрашивать с таким пристрастием, и в голову не приходило.

Люси медленно покачала головой.

– О, дорогая, в этом мире все важно. Мы любим по множеству причин, но если вы любите Харта только за то, что он красив, богат и остроумен – и все эти качества в нем присутствуют, не спорю, – у вас не будет прочного фундамента, на который опирается настоящая любовь. У меня романтическая душа, но помогать я готова лишь тем, кто действительно любит.

Мэг глубоко вздохнула и вернулась памятью к тем временам, когда ей было шестнадцать. Взгляд разноцветных глаз герцогини не отпускал, и девушка решила.

– Ладно. Конечно, я знаю, почему влюбилась – всегда знала, – но если признаюсь вам, пообещайте, что об этом больше никто не узнает.

Герцогиня так активно закивала, что черный локон выбился из ее прически и упал на лоб.

– От меня никогда никто ничего не услышит! – Люси так торжественно произнесла эти слова, что Мэг сразу ей поверила.

– Хорошо. – Сложив руки на коленях и уставившись на балки кессонного потолка, девушка задумалась, с чего начать. – Мы давно дружны с его сестрой Сарой, и поскольку Харт всюду ее сопровождал, однажды приехал к нам в гости вместе с ней. Уверена: ему было смертельно скучно, но он проявлял чудеса приличий, пока я делала все возможное, чтобы произвести на него впечатление, подавая чай и поддерживая светскую беседу.

Люси скрыла улыбку.

– Вы просто очаровательны! Что же было дальше?

– Мне было всего шестнадцать! – призналась Мэг, вспыхнув от воспоминания. – Я то краснела, то бледнела, как дурочка хихикала и вообще вела себя как умственно неполноценная.

– А Харт был с вами любезен, – подсказала Люси, и на ее лице с тонкими чертами было написано искреннее сочувствие.

Мэг проглотила комок в горле, поскольку не любила вспоминать этот эпизод. Давным-давно описав его в своем дневнике, она постаралась навсегда забыть о нем.

– Мать узнала, что мы втроем сидим в гостиной: предполагалось, что отец составит нам компанию, но он все еще оставался в постели после ночи, проведенной за картами.

– Надо же!

Люси знала о пристрастии барона к картам: все знали, – но говорить об этом было неприлично, поэтому сделала вид, что для нее это новость.

– Это было так непохоже на отца, – едва слышно проговорила Мэг, сгорая от стыда.

– Продолжайте, дорогая, – успокаивающе похлопав ее по руке, предложила герцогиня.

– Мать ворвалась в гостиную и потребовала, чтобы гости немедленно покинули дом. Я была готова провалиться сквозь землю. Понимаете, это произошло вскоре после ссоры между нашими родителями, но я даже не представляла, с какой ненавистью они относятся друг к другу.

– Ходили слухи, что причина конфликта в том, что ваш отец не отдал отцу Сары картонный долг, – заметила Люси. – Это правда?

Сглотнув, Мэг утвердительно кивнула.

– Да, так говорили, но в подробности родители меня не посвящали. Я была готова умереть от позора в тот день. Мать кричала, что не намерена терпеть богатеньких отпрысков Хайфилда в своем доме.

– Не может быть! – всплеснула руками Люси.

– И тем не менее это правда. – Даже теперь, столько лет спустя, жаркая волна стыда накрыла Мэг, и она схватилась за чашку в надежде скрыть, вне всякого сомнения, покрасневшее лицо. – Я подозревала, что накануне мать сильно злоупотребила спиртным.

– Что было потом? – Люси не сводила взгляда с лица Мэг.

– Харт и Сара поднялись, намереваясь уйти, конечно, и было видно, что они сочувствуют мне.

– И тогда Харт что-то сказал, да? – попыталась приблизить к сути дела девушку Люси, опускаясь на кушетку с ней рядом.

– Они еще не дошли до двери гостиной, как мать повернулась ко мне и выкрикнула: «Даже не думай, что им всерьез нравится твое общество, Маргарет! Они здесь только для того, чтобы продемонстрировать тебе, как изысканна их одежда и богата карета, на которой они сюда пожаловали. Ты для них недостаточно хороша, и никогда любить тебя они не будут».

– Прямо так и сказала? – вне себя от гнева – лицо покраснелось, ноздри трепещут, зрачки расширены – воскликнула Люси.

– Да! – вздохнула Мэг (сколько бы лет ни прошло, ей никогда не забыть, что произошло потом). – Харт обернулся и, словно не замечая мою родительницу, посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Не слушайте ее, Мэг: она несчастный человек, – мы всегда вас любили и будем любить». Мать расхохоталась, и тогда Харт повернулся к ней и отчеканил: «Мадам, вы вольны говорить что угодно обо мне и моей сестре, но если я еще хоть раз услышу оскорбления в адрес вашей дочери, вы об этом пожалеете».

– Не верю своим ушам! – воскликнула Люси, приложив руку к груди.

– И тем не менее это так!

Именно с той минуты Мэг и полюбила его. Он никогда не уделял ей особого внимания ни до, ни после, но все равно стал для нее героем, единственным человеком на земле, который попытался защитить ее от собственной матери; та же постоянно бранила ее за то, что никак не может найти себе мужа, что некрасива и неумна.

Но в ту минуту, когда Харт встал на ее защиту, что-то изменилось в самой Мэг. Она поверила ему: поверила в то, что достаточно хороша и чего-то стоит. Сара, конечно, поспешила уйти со слезами на глазах, а слова Харта навсегда врезались в память Мэг.

Люси приложила к подозрительно заблестевшим глазам платочек и сказала:

– Теперь верю, что у вас есть причина любить его. Я и сама уже немножко его люблю за такой поступок.

Мэг перевела дыхание и тряхнула головой, пытаясь избавиться от слез, наворачнувшихся на глаза.

– На первый вопрос вы получили ответ. А какой же второй?

– Второй? – с недоумением переспросила Люси.

– Вы говорили, что я должна ответить на два вопроса.

– Ах да! Спасибо, что напомнили, дорогая. Второй вопрос очень простой: как Харт относится к вам? Есть ли какие-то основания предположить, что он ответит на ваши чувства?

Плечи у Мэг поникли. Отставив чашку в сторону, она нахмурилась и честно ответила:

– Понятия не имею. Надо у него спросить. – Похлопала глазами. Потом расправила плечи, решив держать все эмоции под контролем.

– Даже не догадываетесь? Может, были какие-то намеки...

Мэг лишь развела в стороны руки.

– Мне кажется, я для него лишь подруга Сары. Он вообще почти не замечает меня... разве за исключением...

О нет! Не следовало этого произносить вслух!

Люси, конечно, тут же ухватилась за оговорку и, нацелив на девушку кончик своего патрицианского носа, повторила:

– За исключением?..

Мэг опять покусала нижнюю губу. Что делать? Придется рассказать герцогине все. Ей захотелось соскользнуть с кушетки и залезть с головой под роскошный персидский ковер.

– За исключением одного раза, когда...

Медленно приподняв брови, Люси склонила голову набок, не спуская с Мэг глаз.

– За исключением одного раза, когда?..

Мэг сморщилась и, прикрыв глаза рукой, выпалила:

– За исключением одного раза, когда он меня поцеловал.

Глава 4

– Пардон! – едва ли не выкрикнула Люси.

Мэг еще не слышала, чтобы голос мог подскочить за мгновение на октаву, и умоляюще посмотрела на герцогиню, призывая говорить тише.

Люси поняла и – слава богу! – понизила голос.

– Значит, он поцеловал вас...

Мэг так энергично закивала, что шпильки посыпались из прически, выпустив на свободу вьющиеся белокурые локоны. Она торопливо заправила их за уши и поспешила уточнить:

– Да, но это не то, что вы подумали: он даже не понял, что это я.

Если бы было возможно от удивления распахнуть глаза еще шире, у герцогини это вряд ли получилось бы. Несколько секунд Люси пребывала в ступоре, только открывала и закрывала рот, не в силах произнести ни слова, наконец выдавила:

– Моя дорогая, вам удалось невозможное: лишить меня дара речи.

Мэг прижала руки к щекам.

– Значит ли это, что вы не станете помогать мне?

– Напротив! – не удержалась от восклицания герцогиня. – Если мужчина защитил вас от, можно сказать, омерзительных нападок матери и поцеловал, я считаю, что мы очень даже удачно стартовали.

– Нет, вы не поняли, – покачала головой Мэг. – Он даже не знал, что целует меня.

Люси поднялась и опять села рядом с ней.

– Вот что: я должна услышать эту историю, причем сию же минуту, если вы ничего не имеете против.

Нервно сглотнув, Мэг набрала в грудь побольше воздуха и произнесла:

– Ладно, но пообещайте сохранить это в секрете. Я никому не рассказывала... даже Саре.

– Клянусь! – Люси приложила руку к сердцу, а глаза ее уже сияли в предвкушении.

Мэг поудобнее устроилась на кушетке и расправила юбки. Жаль, что платье из-за старости и не поддающихся стирке пятен пришлось перекрасить в розовый цвет. Когда-то оно было белым и очень красивым. Впрочем, она была не из тех, кто переживает из-за такой ерунды.

– Это случилось в ночь накануне свадьбы Сары. Я решила поговорить с Хартом, чтобы понять, собирается ли он что-нибудь предпринять, чтобы воспрепятствовать свадьбе или хотя бы попытаться отговорить сестру выходить за маркиза Бренфорда.

Люси понимающе закивала:

– Да, я помню, в каком отчаянии все мы пребывали в тот день: ведь ни у кого не возникало сомнений, что Сара и Беркли пара.

Мэг кивнула.

– Это было чудовищно, и с каждой следующей минутой я чувствовала себя все более беспомощной.

Люси сжала ей руку.

– О, моя дорогая, Беркли и Сара должны были сами прийти к такому решению.

Мэг ответила на пожатие.

– Сейчас я это понимаю, разумеется, но тогда у меня было ощущение, что моя любимая подруга тонет, а я лишь стою на берегу и наблюдаю, не в силах ей помочь.

– Вы верная подруга. – Люси похлопала ее по руке. – Но продолжайте. Значит, вы решили привлечь Харта на свою сторону?

Мэг кивнула:

– Да. Поодиночке Сара не стала бы слушать ни меня, ни его, но я подумала, что вместе мы сможем как-то ее уговорить.

– Но вы, надеюсь, не пошли к нему? – в ужасе спросила Люси.

Мэг так тряхнула головой, что надоедливые локоны опять упали на лоб.

– Нет! Конечно, нет. Это был бы настоящий скандал.

Люси мгновенно успокоилась и, приложив руку к сердцу, вздохнула с облегчением.

– Именно так я к этому и отнеслась бы, дорогая. И где вы встретились?

Щеки у Мэг вмиг стали пунцовыми. В ту ночь она повела себя как круглая дура, но пора со всем этим покончить. Кроме того, для герцогини это не станет новостью – ей приходилось слышать о куда более скандальных вещах, по сравнению с которыми история Мэг была сущей мелочью.

– Я отправила Харту записку, в которой предложила встретиться в парке рядом с нашим домом, как только стемнеет. Родителям и своей горничной я сказала, что собираюсь лечь пораньше, потому что разболелась голова, а вместо этого украдкой выскользнула из дому.

Ахнув, Люси стиснула запястье Мэг.

– Дорогая, это было ужасно безрассудно: вас могли ограбить, даже убить, не говоря уже о том, что...

Мэг нервно сглотнула.

– Понимаю, но мы живем рядом с парком, вот я и подумала...

Брови у Люси сошлись на переносице.

– Подумали что, дорогая?

Зажмурившись, Мэг выпалила:

– Подумала, что он догадается, кто прислал ему записку, даже если подписать ее только инициалами.

– «Эм» «тэ»? – Облегченно выдохнув, Люси двумя пальцами потерла кончик носа.

– О да! – откликнулась Мэг. – Я не хотела подписываться полным именем из опасения, что кто-нибудь может увидеть мою записку, и тогда разразится скандал.

Люси запустила пальцы себе в волосы.

– Да, предлагать холостяку встретиться в парке ночью неблагоприятно для репутации любой женщины, но я никого не осуждаю.

Мэг глубоко вздохнула.

– Поэтому я и спряталась в темноте...

Воспоминания нахлынули, захватили ее. Она снова оказалась в парке рядом с отцовским домом: обхватив себя за плечи, дрожала на вечернем ветру. В воздухе витал аромат жасмина и запах свежескошенной травы. Несмотря на лето, вечер был необычно холодный, а она вышла из дому без накидки. Ей никогда не забыть те мгновения...

– Вы где? – раздался за живой изгородью знакомый низкий голос Харта – голос, который она будет помнить всегда, от которого у нее каждый раз побегут по спине мурашки.

– Я здесь, – выдохнула она, и на мгновение, когда сердце было готово остановиться, ей показалось, что он пришел сюда к ней на свидание, потому что они любовники, уже обручены и не могут быть вдали друг от друга, желая лишь одного – слиться в объятиях.

Для нее стало потрясением, когда Харт шагнул из-за живой изгороди ей навстречу, привлек ее к себе, обхватив сильными, теплыми, мускулистыми руками, а потом нагнулся и поцеловал в губы. Поцелуй длился не больше пары секунд, но ей показалось – целый час. Харт решительно раздвинул ей губы языком и проник в рот.

Должно быть, Мэг тихо пискнула, а возможно, ее вкус или рост подсказали, что он ошибся, но Харт резко отпрянул и теперь удерживал ее на подобающем приличиям расстоянии.

– Прошу прощения...

– Харт?

Вот идиотка! Кто же еще? Она узнала его походку, запах, голос... Одновременно сердце у нее упало, когда до нее дошло, что он обозначился – принял ее за свою любовницу и просто не ожидал увидеть ее. Господи, ну кто еще мог подписаться инициалами МТ? Ревность завладела ею, но времени полностью отдаться этому чувству не было, потому что Харт тут же схватил ее за руки и вытащил из тени в поток лунного света.

– Мэг!

– Да. Кто же еще?

Харт не сводил с нее изумленного взгляда.

– Что вы здесь делаете?

Глаза наполнились слезами, но Мэг проглотила их.

– Вы получили мою записку?

– Вашу?..

Он потер лоб, взъерошил свои черные волосы, сверкнув в лунном свете изумрудными глазами. Совершенно не таким она представляла себе первый поцелуй, но – ах! – он произошел и именно с Хартом, о чем Мэг могла только мечтать. Господи, если бы она знала, что двусмысленная записка может привести его в парк, а потом последует этот обжигающий поцелуй, то давным-давно отправила бы ему такую записку.

– Мисс Тиммонс, прошу прощения за свое непристойное поведение: я не знал, что это вы.

Харт заметно нервничал, и это означало, что он уже наверняка подсчитывал вероятность того, что из-за оплошности его без всяких церемоний потащат к алтарю, как в случае с Аннабел Кардифф, этим сущим стихийным бедствием. Мэг хотела его и была бы рада заполучить, но не таким способом.

– Не волнуйтесь, – поспешила она его успокоить. – Это моя вина. Надо было подписать записку полным именем.

– Что-то случилось, раз вы мне ее прислали? – Харт по-прежнему был как на иголках.

Мэг вдруг ощутила себя полной дурой. Только сейчас до нее дошло, что Харт может вовсе не считать брак между Сарой и Бренфордом катастрофой. Ей вдруг захотелось, чтобы время повернулось вспять и той записки не существовало. И слезы опять навернулись на глаза.

– Извините. Я не подумала... – От растерянности Мэг заговорила высоким и каким-то сдавленным голосом. Ну почему она всегда в его присутствии ведет себя как недотепа? Почему не может быть холодной, собранной и искушенной?

– Ничего-ничего, – отозвался Харт и, сделав шаг к ней, погладил по плечам, отчего по телу побежали мурашки. – Вы замерзли.

Отступив, он в одно мгновение сбросил плащ и накинул ей на плечи. Плащ оказался большим, теплым, и от него пахло Хартом, но ведь его, в конце концов, придется отдать. Мэг шмыгнула носом.

– Успокойтесь и расскажите, что случилось.

Мэг завернулась еще плотнее.

– Это насчет Сары.

Он с тревогой посмотрел на нее.

– Что такое? С ней все в порядке?

– Да-да, конечно, – кивнула Мэг, щекой прижимаясь к дорогой ткани. – Все прекрасно. Я хотела сказать – будет. Надеюсь. Только вот... лорд Бренфорд. Она его не любит. Она не должна выходить за него. Сара любит лорда Беркли – я точно это знаю.

Харт продолжал гладить руки Мэг, и ее это выводило из равновесия, даже несмотря на то, что плащ оставался преградой между ними.

– Я с вами согласен, но... – процедил он сквозь зубы и опустил голову.

Мэг заставила себя отвлечься от запаха, что исходил от плаща Харта, и обволакивал ее, и сосредоточиться на том, зачем сюда пришла.

– Мне кажется, Сара разрушит свою жизнь, если поступит в соответствии с желанием своих родителей.

– Согласен, – кивнул Харт.

– И сама станет несчастной, – добавила Мэг.

Харт напряженно посмотрел на нее.

- Вы, несомненно, правы.

Мэг отметила, что он вполне согласен с ней, но готов ли действовать, пока ясно не было.

- Вы намерены что-нибудь предпринять?

Руки Харта упали с ее плеч и сжались в кулаки, которые он упер в бедра.

- Абсолютно ничего.

Мэг тряхнула головой: должно быть, ослышалась:

- Ничего?

- Вот именно. - Он уверенно стоял в лунном свете, широко расставив ноги, и его красивое лицо было полно решимости.

Мэг потянулась было к нему, но вовремя заставила себя остановиться.

- Но почему? Вы ведь только что согласились со мной.

Харт медленно склонил голову.

- Да, но я поговорил с Сарой: она уже смирилась.

- О! - Мэг прикусила губу. - Вам не кажется, если мы вдвоем...

- Нет! - разнесся в неподвижном ночном воздухе его голос, спокойный и твердый.

- Почему? - никак не могла успокоиться Мэг, не в силах понять, почему Харт не хочет вмешаться.

Он отошел в сторону и, засунув руки в карманы, устремил взгляд куда-то поверх живой изгороди.

– Я, как и вы, хорошо знаю свою сестру: она упряма. Уверен: чем больше на нее давить, тем меньше будет толку.

Вздвогнув, Мэг кивнула: он попал в точку.

– Вы сказали ей, что думаете об этом?

– Да, и вы, полагаю, тоже.

Мэг кивнула. Харт был прав: Саре не нравилось, когда ей указывали, что следует делать. Чем больше они старались бы убедить ее в том, что она не права, тем упрямее она бы становилась.

Харт обернулся к ней.

– Вы что, не понимаете? Все, что мы можем сделать, все, что нам остается, – это надеяться на лучшее.

– Вы действительно так думаете? – Ей безумно хотелось продлить минуты общения с ним.

– Я это знаю, – ответил Харт. – Теперь позвольте проводить вас домой.

Он довел ее до заросшей ивами калитки, за которой уже начинались их владения, и, несмотря на то что им пришлось провести некоторое время в карете отца Харта на следующий день после бегства Сары из-под венца, в последующие месяцы они старательно избегали друг друга.

Мэг закончила свою историю, и Люси, хмыкнув, заметила:

– Да, весьма многообещающе.

Мэг захлопала глазами.

– Правда?

– Самое главное во всем этом то, что он начал вас избегать, – живо объяснила Люси, наливая себе еще чаю.

– И что же в этом многообещающего? – удивилась Мэг.

Люси, задумчиво помешивая чай серебряной ложечкой, продолжила, словно не слышала ее:

– Ну конечно, это весьма многообещающе. Если бы тот случай никоим образом не затронул его, он не стал бы с такой тщательностью выбирать пути перемещения в пространстве.

У Мэг не было возможности ответить на столь курьезное утверждение, поскольку Люси сразу же приступила к делу:

– Начнем с того, что вы позволите мне подарить вам платье к завтрашнему балу у Ходжесов.

Ходжесы в этом сезоне давали первый бал, и Мэг, конечно, очень хотела бы на нем присутствовать с Люси и Сарой в качестве сопровождающих.

– Вы же знаете: это невозможно, – уставилась она на мыски своих туфель, чтобы не встречаться глазами с герцогиней.

– Да, знаю. Вам кажется это проявлением – как там вы это называете? – благотворительности. – Люси закатила глаза.

– Вот именно! – Мэг сложила руки на коленях и упрямо уставилась на герцогиню.

Никогда и ни от кого она не принимала милостыню ни в каком виде, чрезвычайно гордилась этим и отказывалась изображать из себя кого-то еще, а не ту, кем была на самом деле, – бесприданницу без единого пенни в кармане, подпиравшую стены на балах. Уж если суждено стать посмешищем в глазах

светского общества, то пусть это случится только из-за нее самой, а не благодаря тому, что пользуется помощью своих богатых друзей и задирает нос.

– Но мне доставит удовольствие подарить вам такое платье, – настаивала Люси. – Разве это ничего не значит?

– К сожалению, нет: это унижительно для меня.

Дело было вовсе не в гордости: больше всего она боялась жалости. Одной из причин ее глубокой привязанности к Саре было то, что подруга никогда не жалела ее и не указывала на разницу в их положении. Мэг понимала, что герцогиня искренне хотела помочь ей, но даже осознание этого не заставило бы ее поменять свое мнение.

– Харт прекрасно осведомлен о моих обстоятельствах, так что, во что меня ни одень, это все равно не поможет.

– Возможно, – согласилась Люси, – но на вас могут обратить внимание другие джентльмены, дорогая, а это заставит Харта куда внимательнее отнестись к вам. Я уже говорила и скажу еще раз: мужчины обожают конкуренцию, когда речь заходит о лошадях, картах или – простите, что упоминаю об этом, – дамах.

Мэг дернула шнурки своего ридикюля, латаного-перелатаного: нет, они с Люси никогда не придут к согласию, – так что лучше поменять тему.

– Мы даже не знаем, будет ли Харт присутствовать на балу у Ходжесов. Обычно он не посещает подобные мероприятия.

– Чушь! – отрезала Люси и сделала глоток из чашки. – В этом сезоне он намерен найти себе жену. Как бы глупо это ни выглядело, но светский бал – это единственное доступное для мужчины его положения место, где это возможно.

Мэг покусала губу.

– Что, если у него уже есть кто-то на примете?

Герцогиня отмахнулась:

– Мы заставим его передумать.

– Что, если он не захочет даже взглянуть на меня?

– Мы сделаем так, что посмотрит, – подмигнула ей Люси.

Мэг все никак не могла оставить в покое шнурки своего ридикюля.

– А что, если он заметит меня, но не проявит интереса?

Люси глубокомысленно покивала головой.

– Значит, надо его заинтересовать.

Мэг вымученно улыбнулась.

– У вас, похоже, на все есть ответ, мадам?

– Конечно! – не задумываясь, подтвердила Люси.

На пороге возник дворецкий и объявил о приходе леди Сары Беркли, а когда ушел, чтобы проводить гостью в гостиную, Мэг с изумлением повернулась к герцогине:

– Сара сама изъявила желание встретиться с вами?

– Нет, это я пригласила ее, потому что ее поддержка нам не повредит и к тому же усилит мои аргументы в споре с вами о новых туалетах. Мы с Сарой решили убедить вас изменить свое мнение и позволить нам помочь с новым гардеробом.

Сердце Мэг тревожно забилось.

– Только прошу вас не упоминать то, что я говорила о Харте.

– Я и не собиралась. – Люси подняла мизинец. – Вы же взяли с меня обещание все держать в секрете, разве не так? Но Сара знает, что вы ищете мужа, даже если не догадывается, что ваш интерес направлен на Харта. Будьте уверены: я не выдаю секретов, а помогаю леди и джентльменам найти друг друга. И если уж об этом зашла речь, мы должны четко распланировать наши действия, дорогая.

Через пару секунд дверь в гостиную распахнулась, и в комнату вплыла Сара – черноволосая, с такими же, как у ее брата, зелеными глазами, – и направилась к кушетке, на которой сидела Мэг.

– Рада видеть вас обеих! – ослепительно улыбнулась гостья, стягивая перчатки.

– Приветствуем вас, леди Беркли! – улыбнулась Люси. – Спасибо, что приняли мое приглашение и присоединились к нам. Я только что пыталась убедить нашу Мэг позволить нам помочь ей с гардеробом. Вы согласны?

Сара села на кушетку рядом с подругой.

– Буду счастлива, если только Мэг разрешит, купить ей несколько новых платьев, но, как я понимаю, она отказывается от нашей помощи.

– Это милостыня, – простонала Мэг.

– Вовсе нет! – возразила герцогиня с досадой.

– Я не хочу чувствовать себя в долгу перед вами, – стояла на своем Мэг, уставившись в пространство между дамами.

Люси побарабанила кончиками пальцев по щеке.

– Дорогая, вы носите это платье уже года три, я права?

Мэг покраснела до корней волос, а герцогиня продолжила:

– А если я скажу, что новые платья всего лишь заем? Вы сможете вернуть мне деньги за них после удачного замужества, когда у вас появятся деньги.

Мэг уже открыла рот, намереваясь возразить, но Люси ее опередила:

– Как иначе можно надеяться, что в этом сезоне для вас что-то изменится? Если хотите добиться каких-либо результатов, то должны в корне изменить и свое поведение, и свои принципы.

Мэг попыталась вставить хоть слово, но герцогиня еще не закончила.

– Просто позвольте нам помочь. Одно платье. Один раз. Один бал. Обещаю вам большие перемены. Сами увидите.

Герцогиня добилась своего: решимость Мэг дала трещину. Как будет здорово надеть новое платье!

– А что ты думаешь по этому поводу? – повернулась она к подруге.

Сара пожала ей руку.

– Уверена, что ты ничего не потеряешь, если решишься попробовать. Позволь нам превратить тебя в принцессу, Мэгги, и не сомневайся: без внимания джентльменов ты не останешься.

Из-за плеча Сары Люси послала Мэг понимающую улыбку.

– Надеюсь, одним из них будет тот самый джентльмен.

Глава 5

– Не выпускай из поля зрения прибывающих гостей: твоя будущая жена может появиться в любой момент.

В ответ на слова сестры Харт воздел очи горе и с трудом удержался, чтобы, засунув руки в карманы, не засвистеть, – насколько ему было тоскливо на балу у

Ходжесов. Какая скука! Он и оказался-то здесь лишь потому, что этот великосветский бал считался деловым мероприятием, хоть и мучительно скучным.

Харт уже не единожды наведывался к стойке с напитками, потом собственный папаша нашел его в кабинете лорда Ходжеса и, свирепо насупившись, заявил, что сын вряд ли найдет себе невесту, обшаривая укромные уголки дома. Харту пришлось прогуляться по цветникам и оранжереям Ходжесов, но ничто не показалось ему достойным внимания.

Здесь даже бренди было в обрез, и, судя по всему – во всяком случае, так говорила Сара, – великосветская хозяйка косо смотрела на тех гостей, кто опустошал бокал за бокалом. О господи, вот тоска-то! Харт наконец сдался и попросил сестру указать ему на более-менее подходящих, милых и не озабоченных богатством и титулами молодых леди, что Сара и сделала, но веселее ему не стало.

Леди Карина Хардуотер уж слишком скромна. В ее обществе он провел почти полчаса, и за это время чаровница выдала не более трех слов, да и те о погоде. А вот мисс Бэнкс, напротив, болтала без умолку, но вот о чем? За четверть часа, что провел в обществе этой уважаемой особы, Харт узнал о несчастном случае, который произошел с ней в детстве во время скачек; о том, что мисс обожает шоколад; что предпочитает желтый цвет всем другим. Леди Изабелла Джонс с хмурым выражением лица равнодушно взирала на Харта все пять минут их общения, а потом изобразила нервный приступ, развернулась на каблуках и чуть ли не бегом припустила к своей мамаше в другой конец зала, а потом, прикрываясь веером, разглядывала его как какого-нибудь людоеда.

Не прошло и трех часов первого бала сезона, как Харт понял, что найти невесту не такое простое дело, как он надеялся.

Он в который уже раз обвел скучающим взором зал. Возможно, с ним что-то не так? Возможно, он не обладает необходимыми для джентльмена качествами? Возможно, способ поиска жены, принятый в обществе, не для него? Ему на память тут же пришла Аннабел. Шесть лет назад состоялся ее дебют, и именно тогда она попыталась завлечь его в брачную ловушку. На тот момент ему исполнилось двадцать три года, и отец потребовал, чтобы он женился, а когда Харт и пальцем не шевельнул ради этого, пригрозил урезать ему содержание. Харт, конечно, испугался и был вынужден посещать все светские мероприятия.

Он всегда любил женщин, а потому поиски невесты не могли стать чем-то уж кошмарным. Всю его юность отец твердил ему, как важно выбрать достойную жену. Харт наконец-то созрел, когда встретил Аннабел, роскошную белокурую и голубоглазую красавицу, нежную, скромную. Она хлопала своими длинными ресницами и смеялась каждой его шутке. Харт был сражен наповал: возил ее в парк кататься верхом; представил своим родителям; подумывал о женитьбе, но что-то мешало ему сделать предложение. День за днем Харт откладывал решающий момент, несмотря на усиливающиеся переживания отца по этому поводу. И оказалось, что это был лучший поступок в жизни Харта.

Он содрогнулся. Сейчас, оглядываясь назад, он понимал, в чем было дело. Аннабел напоминала ему мать – холодную расчетливую манипуляторшу, ту самую женщину, которая собиралась забрать назад Сару после скандальной поездки в Шотландию и солгала обрученному с дочерью маркизу насчет того, где та была все это время. Мать не испытывала никаких угрызений совести, когда речь заходила о выгоде от брака – неважно, ее самой или ее отпрысков.

После того как прошел месяц, а предложение так и не было сделано, Аннабел поменяла тактику. На одном из светских приемов она попросила сопроводить ее в сад, а там увлекла в глубину лабиринта, образованного живой изгородью, где их «случайно» заметила ее ближайшая подруга и стала угрожать, что расскажет всем, как застала их в компрометирующей ситуации. Однако и та и другая оказались плохими актрисами, чтобы осуществить задуманное до конца. Харт заявил им обеим, что ему плевать на репутацию Аннабел: он просто откажется от нее. Слава богу, она поверила и оставила его в покое.

При воспоминании об этом его даже слегка замутило. Коварство Аннабел очень напоминало ту жуткую историю, которую рассказывал отец, как его мать стала графиней. После того как чуть не угодил в кабалу, Харт пообещал себе никогда больше не повторять подобных ошибок, а чтобы отец не мог им манипулировать, стал играть на скачках и таким образом обеспечивал себе безбедное существование. Так продолжалось до тех пор, пока отец не смягчился и не возобновил выплату содержания, но Харт по-прежнему оберегал свое сердце и свой круг общения.

Он оглядел бальный зал. Дамы в платьях пастельных тонов обмахивались веерами, прикрывая лица, в то время как джентльмены, разодетые словно павлины, выпятив грудь, расхаживали перед ними туда-сюда. Вот она,

пресловутая лондонская ярмарка невест! Почему все так напряжены, будто это охота? Все должно происходить просто, легко и естественно – как это было у Сары с Беркли.

Харт никогда не слышал подробностей, как случилось, что Беркли нашел Сару в своих охотничьих угодьях в Шотландии. Они обожали друг друга, и пусть Харт никогда не признался бы в этом, ему хотелось таких же отношений.

Он никогда не страдал от недостатка женского внимания, однако на тех женщинах его не тянуло жениться. До недавнего времени, например, он поддерживал прелестную интрижку с искусенной вдовой леди Марией Темпест. Именно к такому типу женщин его тянуло после фиаско с Аннабел.

Пресыщенная, опытная, порочная и самоуверенная Мария любила как доставлять, так и получать наслаждение, не связывая себя дополнительными обязательствами. Как он полагал, как раз Мария прислала ему ту записку вечером накануне свадьбы Сары. В первый момент он ужаснулся, когда понял, что обознался, потом забеспокоился, что Мэг Тиммонс разрыдается и бросится прочь, а сам инцидент приведет к тому, что от него опять потребуют делать предложение, попытаются окольцевать.

В этом случае у Харта просто не осталось бы иного выхода, кроме как сделать ей предложение: ведь это он схватил ее в объятия, привлек к себе и страстно поцеловал, – но все получилось по-другому. В отличие от Аннабел Мэг повела себя вполне адекватно: сразу дала понять, что не считает его в чем-то виноватым – просто произошла ошибка. Оглядываясь назад, можно сказать, что Мэг Тиммонс поступила благородно, так как из всех юных леди Лондона она была последней, на ком Харт мог бы жениться. Позже он, однако, признался самому себе, что их поцелуй в парке оказался... впечатляющим: горячим, страстным, полным желанием. Он даже не сразу понял, что целуется не с Марией, и, как ни старался, не смог забыть этот поцелуй.

Харт потер лоб, отгоняя непрошенные мысли о ближайшей подруге своей сестры. Факт оставался фактом: ему нужна жена, – но, увы, именно на этом балу, именно в эту ночь не было ни одной приемлемой кандидатуры. Он подавил зевок, на что его сестра укоризненно покачала головой. Два года назад, когда у Сары состоялся дебют, она стала звездой сезона. Сестра сразу же получила предложение от маркиза Бренфорда и сбежала в Шотландию, где и встретила Беркли. Не всякого так угораздит буквально наткнуться (сопровождавшая ее компаньонка споткнулась, упала и сломала ногу) на настоящую любовь.

– Ты даже не пытаешься искать, – проворчала Сара, раздраженно топнув туфелькой по мраморному полу.

– Нет, пытаюсь. – Харт попытался – правда, безуспешно – подавить второй зевок. – Я позволил леди Изабелле по меньшей мере десять минут меня разглядывать, выслушал монолог мисс Бэнкс о счастливых прежних временах, даже...

Он не договорил: внимание привлекло какое-то оживление у входа, и Харт повернулся в ту сторону посмотреть. Прибыла герцогиня Кларингтон в платье ее любимого изумрудного цвета, а рядом с ней возникло создание в золотом. Белокурые волосы леди были уложены в высокую прическу. Изящную шею охватывала нитка рубинов. Роскошный наряд золотистого цвета – на память Харту сразу пришел образ римской богини – прикрывал прелестную грудь и спускался вдоль стройного тела, искрясь, как водопад в лучах солнца. Со своего места Харт не мог понять, какого цвета у нее глаза, лишь заметил, как весело они засияли, когда леди рассмеялась в ответ на какое-то замечание герцогини. Харт, не в силах отвести от нее взгляда, толкнул Сару локтем и кивнул в сторону двери.

– Кто это?

– Герцогиня Кларингтон, – пожала плечами сестра.

– Да я не про нее! Что это за чудо рядом с ней?

Сара взглянула на него как на умственно неполноценного:

– Ну, Харт, ты даешь! Это же Мэг!

Глава 6

Люси Хант была не из тех, кто попусту тратит время, и как только дворецкий объявил их имена, подвела Мэг к группе своих друзей, чтобы обеспечить ей

прикрытие, пока все присутствующие строили догадки: неужели такое возможно, чтобы Мэг Тиммонс неожиданно появилась в свете?

Сердце в груди у Мэг билось загнанной птицей. Она чувствовала себя одновременно и дурочкой, и обманщицей. Весь день ей пришлось провести в городском особняке Люси, где целая команда швей не покладая рук трудилась над платьем, роскошнее которого Мэг еще не видела. Затем горничная причесала ее, распрямив горячими щипцами проклятые вьющиеся пряди, слегка подкрасила губы и наложила тонкий слой румян. Наконец из собственной спальни вышла Люси с рубиновым ожерельем. Камни были настолько хороши, что Мэг засомневалась, настоящие ли они. Люси протянула ей ожерелье так просто, словно игрушку, и сказала:

– Это подарок испанской принцессы.

Она стала уговаривать Мэг надеть бесценное ожерелье. И хотя эффект, произведенный драгоценностью, был ошеломляющим, Мэг не могла не беспокоиться о том, что нитка сможет каким-то образом соскользнуть с шеи или потеряться. В конце концов она надела рубины, одновременно удивляясь, откуда Люси знает испанскую принцессу.

– Я не смогу заплатить за них, если вдруг потеряю. – Мэг повторила эту фразу, должно быть, полдюжину раз, пока они ехали в карете на бал.

Люси только рассмеялась, махнув рукой.

– Это всего лишь рубины, моя дорогая.

Богачка!

Родители на балу присутствовать не собирались, и Люси получила разрешение от матери Мэг сопровождать ее дочь этим вечером. Когда Мэг попросила Люси об этом, герцогиня опять отмахнулась:

– Оставь все заботы для меня.

И это тоже заставило Мэг занервничать: герцогиня не посвящала ее в свои планы, – но пришлось напомнить себе, что это она попросила у Люси помощи, поэтому донимать свою благодетельницу вопросами – верх наглости.

Мэг сделала себе мысленный выговор, и это помогло ей переключиться, чтобы оставаться спокойной и владеть собой. И вот наконец она здесь, в центре бального зала, сияет, словно слиток золота, и все взоры обращены на нее, хотя все, чего ей сейчас хотелось, – это развернуться и бежать куда глаза глядят. Она не привыкла, что ее разглядывают, что наблюдают за каждым ее движением, не привыкла быть в центре внимания.

Мэг поздоровалась с хорошей подругой герцогини Кассандрой, леди Свифтон, потом с графиней и ее мужем, лордом Джулианом. На днях Люси поделилась с Сарой и Мэг новостью, что графиня ждет ребенка, и поскольку срок пока небольшой, она могла выходить в свет. Супруги прекрасно выглядели и явно души друг в друге не чаяли. Граф все время заботливо держался рядом со своей очаровательной белокурой женой, предупреждая все ее желания. У Мэг защемило сердце: именно о таком взаимном обожании она мечтала для себя и Харта.

Затем она поприветствовала Гаррета и Джейн, будущих графа и графиню Оулдридж. Гаррет приходился Люси кузеном. Джейн удивленно хлопала своими темными внимательными глазами, разглядывая Мэг через стекла очков в серебряной оправе, а в руке держала ридикюль, в котором, как обычно, лежала по меньшей мере парочка томов. Мэг очень быстро поняла, что Джейн обладает острым языком, а Гаррет – великолепным чувством юмора, и они такая же преданная и любящая пара, как Кассандра и Джулиан.

Уже скоро мужчины, извинившись, отправились в кабинет хозяина, чтобы выпить и расслабиться, оставив женщин в бальном зале. Мэг покусывала нижнюю губу, в полной уверенности, что план Люси провалился.

– Вы сегодня ошеломительно хороши, – сказала Кассандра и тепло улыбнулась Мэг.

– Согласна, – с улыбкой поддержала ее Джейн.

Мэг подумала, что это Люси попросила подруг сказать своей подопечной что-нибудь приятное: ей еще ни разу в жизни не говорили ничего подобного. По словам матери, она худая коротышка с непослушными кудрявыми, как у отца, волосами, а потому не заслуживает таких комплиментов.

Она никак не могла набраться храбрости, чтобы оглядеть зал в поисках Харта. Ей отчаянно хотелось спросить, не видел ли его кто-нибудь, но не хватало смелости. Однако долго ждать не пришлось: к их компании присоединилась Сара и, после положенных приветствий оглядев подругу с головы до ног, заметила:

– Мэг, да ты настоящее чудо!

В ее глазах заблестели слезы.

– Она выглядит потрясающе! – воскликнула Люси. – И я тут ни при чем, ну, разве что нашла нужных людей, которые помогли подобрать для этого бриллианта достойную оправу.

– О, Мэг, я так рада, что ты позволила Люси помочь тебе! – добавила Сара. – Не сомневаюсь, что несколько достойных джентльменов окажутся у твоих ног. Ты бы видела, как удивился Харт: поначалу вообще не узнал тебя.

У Мэг перехватило дыхание. Неужели она и правда так изменилась? Когда она взглянула на себя в зеркало дома у Люси, то ничего нового не заметила: испуганная девица хлопает глазами в платье, которому она совсем не подходит. Да еще и новые туфли жмут. Тогда она почувствовала себя девчонкой, которая тайком напялила наряд матери, но если Харт обратил на нее внимание...

Неужели Люси оказалась права? Неужели одежда, прическа и румяна способны изменить до неузнаваемости? На языке по-прежнему вертелся вопрос, где же Харт, но в разговор вмешалась герцогиня:

– Вот и прекрасно. Именно этого мы и добивались.

– Чего именно? – повернулась к ней Сара.

– Да, чего? – эхом отозвалась Мэг, опасаясь, как бы Люси не проговорила.

Лицо герцогини осветила заговорщическая улыбка.

– Нам было нужно, чтобы исключительно подходящий джентльмен проявил интерес к нашей Мэг, и это произошло. Харт – отличный кандидат, и, думаю, ему следует пригласить нашу подопечную на танец. Сара, возьметесь ему передать?

– Нет! – едва ли не выкрикнула Мэг и тут же прижала руку к губам: так вести себя неприлично.

В следующее мгновение она убрала руки от лица, забеспокоившись, что испачкала новые перчатки, которые, конечно, дала Люси, румянами.

Обернувшись, герцогиня вопросительно посмотрела на нее.

– Почему нет, дорогая?

Мэг вспыхнула.

– Потому что... Я имела в виду, что Харт... не станет...

Ну как объяснить, что она не вынесет, если Харт будет что-то делать из жалости к ней? Сара попросит брата потанцевать с ней, он, конечно, не откажет, но это тоже будет чем-то вроде подачки, а это унижительно.

– Боюсь, Мэг права, – заметила Сара. – Мать с отцом здесь, глаз не спускают с Харта, и, к сожалению, наша очаровательная протеже последняя из молодых леди, кого они хотели бы видеть рядом с сыном.

– Но ведь вашу дружбу они одобряют? – удивилась Люси.

Сара горько рассмеялась.

– Скорее терпят, да и то лишь потому, что Мэг сумела убедить своих и наших родителей, когда между ними случилась ссора, что ей абсолютно все равно, кто

прав, а кто виноват, и она не намерена из-за этого разрывать отношения со своей лучшей подругой.

Во взгляде герцогини, обращенном на Мэг, читалось искреннее уважение.

– Вот это да, мисс Тиммонс! Впечатляет.

Мэг грустно улыбнулась. Да, родители Сары впускали ее в свой дом, но никогда не были по-настоящему приветливы с ней.

– Не дайте ей себя одурачить, герцогиня! – рассмеялась Сара, сжав руку подруги. – У нашей Мэгги железная воля.

– Да, я уже убедилась в этом, – вздохнула Люси.

На этот раз Мэг бросила на нее вопросительный взгляд: вдруг герцогиня забудется и откроет их план Саре? Подруга ведь предупреждала, что Харт только разобьет ей сердце.

Всплеснув руками, Люси опять обратилась к Саре.

– Давайте оставим нелепые тревоги ваших родителей. Харт – единственный холостяк, которого я знаю: большинство моих друзей обзавелись парами, и вполне удачно. Между нами говоря, ваш красавец муж Беркли мог бы быть одним из тех, к кому я смогла бы обратиться с такой просьбой, но вы забрали его с рынка невест. В конце концов, это всего лишь танец, и ваши родители наверняка смогут пережить те несколько минут. Поговорите со своим братцем, а мы будем ждать здесь.

Мэг сейчас хотела лишь одного – чтобы пол разверзся и поглотил ее. Не таким она представляла себе этот вечер. Ей-то казалось, что, как только она влывет в бальный зал в этом своем роскошном платье, Харт увидит ее и потеряет дар речи, потом бросится к ней, пригласит на танец и в тот же миг влюбится. Конечно, она понимала, что все могло быть по-другому, но ведь не настолько, чтобы Сара уговаривала своего брата пригласить ее потанцевать.

– Люси, мне кажется, что Харт вряд ли согласится, – с сомнением начала Сара. – Он занят поисками невесты, и ему не до танцев.

– У него уже есть кто-то на примете? – поинтересовалась герцогиня, а Мэг затаила дыхание.

– Вроде бы нет, – сказала Сара и покачала головой. – Ему никто не интересен.

– Вот и отлично! – подхватила Люси. – Тогда тур с Мэг по залу даст ему новую точку для обзора.

Мэг захотелось толкнуть ее локтем в бок, но она не двинулась с места и спокойная улыбка – полная противоположность тому, что творилось внутри! – не сходила с ее лица.

– А что, если я не сумею его уговорить? – Сара бросила сочувственный взгляд на подругу, но Люси возразила:

– Ох, не смешите, дорогая! Вы же сестра, и, полагаю, вам прекрасно известно, как заставить брата сделать то, что ему может не понравиться.

Судя по всему, это озадачило Сару: тонкие черные брови сошлись на переносице, а мысок туфельки принялся постукивать по паркету.

– Он всегда поступает наперекор желаниям отца.

– Вот и прекрасно! – воскликнула Люси.

Мэг же полезла в ридикюль за веером: в бальном зале становилось душно, – и вдруг услышала:

– Скажите своему брату, что ваш отец очень надеется никогда не увидеть Харта в паре с Мэг.

Сара еще не успела объяснить Харту, почему он должен пригласить на танец Мэг Тиммонс, а тот мысленно уже согласился, и тому было несколько причин. Во-первых, Сара никогда ни о чем его не просила, а поднять статус ее подруги на ярмарке невест было не таким уж большим одолжением: для сестры он был готов на все. Во-вторых, ужасно хотелось поразвлечься на этом безумно скучном вечере и лишний раз подразнить отца. В-третьих, он и сам собирался пригласить мисс Тиммонс на танец, потому что ему этого хотелось. И хотя Мэг совершенно не подходила на роль невесты, здесь она оказалась единственной юной леди, которая по-настоящему его поразила. В-четвертых, Харт заинтриговало замечание Сары, что, несмотря на свою репутацию, он сможет поднять ее статус и за право получить ее согласие на танец будут бороться.

А кроме того, он все еще не забыл их поцелуй в парке. Была ли страсть, которую он ощутил в маленькой мисс, плодом его воображения? И какой партнершей в танце она окажется? И вообще какая она: веселая и общительная или жеманная и надменная? А может, тихая и скромная, какой он считал ее до тех пор, пока не случился тот поцелуй.

В ту ночь Харт узнал, как искренне Мэг переживает за Сару. Она сама подвергла себя опасности, что могло печально закончиться для нее, и поступила так потому, что заботилась о будущем его сестры. Совершенно очевидно, что у мисс Тиммонс доброе сердце. А может, в подруге сестры есть что-то еще, о чем стоило узнать? Харт решил это выяснить, и немедленно: хватит уже избегать Мэг Тиммонс.

Уже очень скоро Мэг поняла, что новое золотистое бальное платье, выпрямленные волосы и немного румян на щеках действительно превратили никому не нужную бедняжку, вечно подпиравшую стену, в принцессу. Это открытие немного смущало и шокировало. Она и сейчас попыталась было занять свое обычное место за пределами танцевального круга, но на сей раз Мэг пришлось стоять возле герцогини Кларингтон, а к ней то и дело подходили ее знаменитые друзья, чтобы поприветствовать. Разве могла спрятаться в углу та, кого впустила в свой круг Люси Хант?

В результате Мэг обзавелась знакомством с виконтом и виконтессой Кавендиш, с лордом Оуэном Монро и его прелестной женой Александрой, с сэром и леди

Кавендиш, братом-близнецом виконта Кейдом и его женой Даниэлой. Эти блистательные джентльмены и роскошные леди были исключительно любезны с Мэг, и уже некоторое время спустя она стала испытывать какое-то прямо-таки физическое удовольствие от заново обретенной популярности.

И все равно для нее стало потрясением, когда поздоровавшись со своей подружкой Хелен, такой же серой мышью, вечно сидевшей у стены, Мэг обернулась и увидела перед собой Харта. У нее так пересохло во рту, что в ответ на какую-то его фразу она лишь пискнула. Потом у нее перехватило дыхание и началась жуткая икота. Когда же Харт Хайгейт, мужчина ее мечты, наконец пригласил ее на танец, Мэг вцепилась в нитку рубинов на шее и чопорно выдавила:

– О! Я... Да... ик! С большим... ик!.. удовольствием.

Выглядел он, как всегда, ослепительно: черные бриджи, на груди сияет белый пластрон сорочки из тончайшей ткани, галстук изысканно повязан, а из-под черного вечернего сюртука виднеется жилет изумрудного цвета. Ни дать ни взять денди. Конечно, Мэг понимала, что Харт подошел к ней только по просьбе Сары: каким-то образом ей удалось уговорить брата потанцевать с подружкой, – но поспешила напомнить себе, что, уж если мечта стала явью, не стоит выяснять каким образом.

Как только наконец-то было установлено, что пригласили действительно ее, – она подала руку, и Харт повел на паркет. В этот момент на Мэг напал панический страх: она напрочь забыла фигуры танца. Уже несколько лет она не танцевала – сидела у стены. С икотой в придачу это, вне всякого сомнения, приведет к катастрофе.

– Заранее прошу прощения, – поспешила выговорить Мэг, – если я... ик!.. наступлю вам на ногу... ик!.. упаду или... ик!.. натворю что-нибудь еще.

Она думала, что Харт сначала придет в ужас от ее неуклюжести и дурных манер, потом поднимет на смех, а он... улыбнулся и спросил:

– Разучились танцевать?

Голос его – низкий, с бархатными нотками – обволакивал. От его кожи пахло накрахмаленным бельем и чем-то пряным – похоже, одеколоном. Тот же самый аромат исходил от его плаща, в который она закуталась тогда в парке. Она никогда не забудет этот запах.

– Я люблю... ик!.. танцевать, – объяснила Мэг. – Просто я не уверена, что... ик!.. помню, как это делается... ик!.. из-за того, что... ик!.. все больше подпирала стену.

Харт приснул в ответ, и по тому, как приподнялись уголки его губ, она поняла, что он с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос. Вот и прекрасно! В его глазах она наверняка выглядит как шут гороховый. Господи, только бы не споткнуться.

– Мне кажется, танцы – это как езда верхом – навык остается навсегда, – заметил Харт. – Видите, вы вполне прилично танцуете.

Мэг посмотрела под ноги: и правда танцует, словно знает, как это делается.

– А как вам нравится это – ик? – Мэг подняла на него взгляд. – Вот это: ик!

– Не хотелось бы показаться бестактным, – заговорщически прошептал Харт, так низко наклонившись к ней, что дыхание коснулось уха и по шее побежали мурашки. (Она тут же для себя решила, что всякий раз будет делать вид, будто плохо слышит, чтобы ему пришлось шептать ей на ухо, когда захочется что-то сказать.) – Вам это доставляет неудобство?

Лицо у нее, вне всякого сомнения, покраснело.

– Да. Да, это так.

Никакого притворства! Это самая лучшая тактика, разве нет? Тем более какой смысл отрицать очевидное? Икоту ведь не скроешь.

Крепко сжав губы, он опять едва сдержался, чтобы не расхохотаться. В зеленых глазах вспыхнул огонек.

– Какая жалость!

Мэг вздохнула.

– Ну да, только... ик... это такой стыд... ик... Впервые за несколько лет... ик... я танцую с джентльменом, чья сестра... ик... уговорила его пригласить меня... ик... Все это мучительно... ик... и сбивает с толку. Ик! Но я все еще надеюсь, что не споткнусь.

Харт нахмурился.

– Вы это о чем?

– Только о том, что воспитанные... ик... красивые леди, которых вы обычно приглашаете танцевать по собственной... ик... воле, наверняка не икают... ик... как толстые кухарки.

Вот тут самообладание Харта дало сбой, и он расхохотался в голос, до слез, а отсмеявшись, возразил:

– Во-первых, что бы мне сестра ни предлагала, за все эти годы ей ни разу не удалось уговорить меня сделать то, чего я не захотел бы сам, а во-вторых, вам удалось стать самой красивой леди на этом балу.

– Пардон?

Захлопав глазами, Мэг обернулась и опять огляделась. Вот сейчас она была абсолютно уверена, что Харт говорит о ком-то другом: не мог же он иметь в виду ее!

– Это правда, – подтвердил Харт и посмотрел на нее так, что ей вдруг показалось, будто она единственная женщина в этом зале. – Почему вы так удивлены?

– Это ведь я, Мэг Тиммонс.

Харт плотно сжал губы, чтобы опять не рассмеяться, пока она, прищурившись, смотрела на него, потом сказал:

– Я знаю, кто вы.

– Вы это... ик... серьезно? Когда сказали, что я самая... ик... красивая леди здесь? Может, это Люси Хант подвигла вас...

Глупая она, глупая! Конечно, он польстил ей, как все мужчины, когда танцуют с юными девушками на балах: флиртуют, расточая комплименты, и говорят то, во что сами не верят. У нее просто нет опыта в таких делах: слишком молода. Мэг вспыхнула: надо сказать ему в ответ что-то столь же беззаботное и ни к чему не обязывающее.

– Благодарю вас, милорд, за то, что пожалели... ик... одну из тех, кто подпирает стены! Могу с уверенностью сказать, что танцы... ик... чрезвычайно приятное занятие... ик... насколько мне помнится.

– В самом деле? – Губы у него дернулись, складываясь в усмешку.

– Мне так кажется. Говорю это без особой уверенности... ик... потому что в основном танцевала... ик... лишь с учителем танцев. Конечно, намного приятнее танцевать... ик... с джентльменом на балу. Мой учитель был пожилой, у него болело колено... ик... поэтому... ик... не выпускал трость из рук.

– Ваш учитель танцевал, опираясь на трость? – Харт держался из последних сил.

– Увы, да. И почти всегда был нетрезв... ик!

Бедный мистер Бартон! Мэг не смогла бы утверждать, что мать не платила ему за уроки бренди вместо денег.

– Прямо как мой камердинер! – заметил Харт. – Но мне приятно слышать, что вы предпочитаете танцевать со мной. Мне бы не хотелось походить на пьяного старика-учителя, который держится за трость.

– О нет! Я только хотела сказать... ик!

Замечательно! Взяла и оскорбила его! Нет, все-таки нужно придержать язык – кстати, может, удастся преодолеть икоту.

– Не переживайте, я все отлично понял.

– Нет-нет. Я должна была сказать, что намного приятнее... ик... танцевать с красивым джентльменом, который...

О господи! Что она несет! Это еще хуже, чем споткнуться в танце. Может, и правда рухнуть на пол, чтобы отвлечь его?

– Вы считаете меня красивым? – усмехнулся Харт.

Мэг вздрогнула, потом сморщилась и пробормотала:

– Да. Ик! Только это между нами, милорд. Я не думаю, что ваши... ик... внешние данные когда-нибудь подвергали сомнению.

Он так ей улыбнулся, что у нее ослабли колени.

– Знаете что?

«Да, знаю. Ты великолепен!»

– Что?

– Есть одно средство от икоты...

– Неужели? Ик!

«Отлично! Лучше поговорим про икоту. Больше никаких разговоров про его привлекательность!»

Харт наклонился к ее уху, и тут же мурашки побежали по спине.

– Да, пойдёмте со мной.

Глава 8

Если в жизни Мэг и бывали моменты, когда ей отчаянно хотелось избавиться от икоты, не сегодня: сейчас она была безумно благодарна этому затянувшемуся недугу и просила Господа сохранить его. Икота – это же здорово! Чудесно! Восхитительно! Благодаря икоте у Мэг появилась возможность подольше пообщаться с Хартом и даже получить приглашение выйти на воздух, остаться наедине! Ура икоте!

Мысленно Мэг быстро прикинула, сумеет ли достаточно правдоподобно изобразить икоту, если вдруг она исчезнет сама собой. К счастью, этого не потребовалось. Все время пока они шли к террасе, затем – по саду, до укромного местечка, Мэг продолжала усиленно икать.

Он поставил ее перед собой так, чтобы за спиной у него оказалась высокая живая изгородь и их нельзя было увидеть ни с террасы, ни из дома. С широко распахнутыми глазами, преисполненная любопытства, Мэг ждала, что будет дальше. Единственное средство от икоты, о котором ей было известно, это полная ложка сахарного песка, которую следовало не торопясь проглотить. Один раз она попробовала, но никакого эффекта это не возымело. Кроме того, вряд ли Харт припас это снадобье для нее.

– Готовы? – спросил Харт, оглянувшись будто бы для того, чтобы убедиться, что никто их не видит.

– Думаю, да... ик.

К чему такая таинственность? В особенности если дело касается лишь средства от икоты...

Харт обнял ее за плечи, привлек к себе и сделал то, чего Мэг меньше всего ожидала, – поцеловал!

Его пальцы сжали ей плечи, но она не обратила на это внимания: куда больше ее интересовало, как его губы касались ее губ и что она при этом ощущала. Это сон? Может, Харт страдает потерей памяти и не отдает себе отчета, с кем целуется сейчас? Сара, правда, ничего не говорила про умственное расстройство, но все возможно...

Мэг отстранилась и чуть отступила от него, намереваясь спросить, все ли в порядке у него с головой. Касаясь кончиками пальцев своих пылающих губ, она молча смотрела на него, потом промямлила:

- Прошу прощения...

Минуточку! С какой это стати она должна просить у него прощения? Это он должен! Во всяком случае, ей нужно получить подтверждение, что он понимает, что делает.

- Икота прошла? - Его лицо расплылось в улыбке.

- Что? А... - Мэг подождала. Никакой икоты. Подождала еще. Опять ничего. Посчитала до десяти. Потом до двадцати. От икоты не осталось и следа. - Да, мне кажется, прошла!

- Значит, помогло? - продолжая улыбаться, сказал Харт, явно очень гордый собой.

- Что именно?

- Мое средство от икоты.

Мэг поперхнулась.

- Пардон... Вы хотите сказать, что ваше средство от икоты - это... поцелуй?

Харт расхохотался, но тут же вынужден был прикрыть рот рукой и оглядеться по сторонам, не привлек ли к себе чье-либо внимание.

- Нет-нет! Совсем нет.

Мэг молча хлопала глазами. Он что, не отвечает за свои поступки? Похоже, у него и правда не все в порядке с головой или... со слухом. Только она собралась спросить его об этом, как Харт объяснил:

- Средство - это неожиданность, даже шок.

- Шок?

- Ну да! Я ведь удивил вас. Разве нет?

«Удивил? Нет! Ошарашил!»

- Это называется иначе.

У него вытянулось лицо.

- Пожалуйста, простите, если я обидел вас, Мэг. Как правило, я придерживаюсь строгих правил по отношению к юным девушкам, но у нас другой случай... Я подумал... ведь это уже не первый раз, когда мы...

Судя по всему, Харта смутило выражение ее лица. Мэг так хотела выглядеть искушенной и опытной, но вид у нее наверняка был испуганный - с глазами, полными слез.

Ну почему, почему ей не удастся казаться умудренной опытом? Почему она не может сделать вид, что он для нее лишь развлечение, как поступили бы другие дамы из окружения Харта, если бы он так с ними пошутил?

Этот поцелуй был для нее пределом мечтаний, к тому же она не относилась к молодым особам, которые воспринимают нечто подобное легко. Мэг понимала, что единственный выход сейчас это - свести все к шутке, чтобы Харт перестал смотреть на нее как на раненую газель, или не видать ей больше поцелуев с ним как своих ушей.

- Да-да, конечно, - улыбнулась она через силу, опять вцепившись в рубиновое ожерелье на шее. - Я помню. Это ведь случилось в парке, да?

Харт уже не улыбался.

- Да, ночью накануне свадьбы Сары.

- Конечно-конечно. О, но ведь то была всего лишь оплошность, не правда ли?

Получилось ли у нее сохранить самообладание и сделать вид, что тот поцелуй ничего для нее не значил?

Харт смотрел на нее, вытаращив глаза.

Ох, похоже, она ступила на опасную тропу, назвав его поцелуй оплошностью: он ведь может и обидеться. Какая же она идиотка, жалкая притворщица, которая выдает себя за умудренную опытом зрелую даму.

Голос Харта прозвучал тихо и холодно:

- Прошу простить меня, если обидел вас: тогда, в парке, или сейчас.

- Нет, нет, нет! Не думайте об этом.

Ее колотила дрожь, но было поздно: Харт почувствовал себя круглым идиотом. Икота у нее прошла, но в душе поселились обида – вне всякого сомнения. Несколько мгновений назад она едва не разрыдалась. И неудивительно: она совсем юная воспитанная девушка, у которой вообще нет опыта, не то что все эти пресыщенные вдовушки, с которыми он обычно имел дело.

Хуже всего, что он обидел ее уже дважды, а это уже не просто невежество, а самая настоящая мерзость. И никто не осудил бы ее, залепи она сейчас ему пощечину.

Нет, не это самое худшее. Пусть он и поцеловал Мэг, якобы чтобы избавить от икоты, но надо быть честным с самим собой и признаться что поступил так потому, что захотел ее поцеловать. Да, это было эгоистично с его стороны, но зато как приятно!

Девушка и так выглядела как богиня, а вблизи оказалась еще красивее: с мелкими веснушками на переносице и щеках и глазами необычного светло-зеленого цвета с золотистыми искорками в обрамлении темных, почти черных, ресниц. Прямо над левым глазом у нее имелся едва заметный шрам, а пахло от нее земляникой. Как же получилось, черт возьми, что все эти годы он не обращал внимания на такую красавицу, хотя она всегда была возле его сестры? Как он мог не ощущать аромат земляники? Он знал ответ: просто привык, что она все время рядом, здесь, прямо у него под носом.

Харт взял ее ладони в свои руки и чуть пожал.

– Простите меня, Мэг, ради бога, простите! Что мне сделать, чтобы загладить свою вину?

Она отчего-то побледнела.

– О, какие пустяки! Это же была шутка, проказа! Я все понимаю. И нет никакой вины. Вы избавили меня от икоты, за что вам огромное спасибо.

Цвет медленно возвращался на ее щеки: очаровательный оттенок нежно-розового. Как же она невинна, бесхитростна и чиста и совершенно не заслуживает, чтобы с ней обходились развязно. Сара наверняка надавала бы ему по щекам, если бы узнала об этом. На то, чтобы добиться от Мэг ответа, у него не оставалось времени: следовало срочно отвести ее в зал, иначе могут начаться пересуды. Он поступил опрометчиво, когда завлек ее сюда, но, слава богу, можно быть уверенным, что она не станет болтать о том, что здесь произошло.

Отпустив ее руки, он щелкнул пальцами и заявил:

– А знаете, я приду на следующие три бала и буду танцевать с вами.

Зеленые с золотистыми искорками глаза широко распахнулись, рот с пухлой нижней губкой приоткрылся.

– Сара сказала, что вы ищете мужа.

Ее румянец стал пунцовым, и он с трудом справился с собой, чтобы не коснуться подушечкой большого пальца ее шелковистой кожи, чуть прикусить эту розовую губку...

– Я вам помогу: буду танцевать с вами сам и попрошу об этом своих друзей: они еще те мерзавцы, но зато с огромными связями в высшем обществе.

– Полагаете, в этом есть необходимость?

Мэг резко развернулась, и в следующее мгновение ее туфли зашуршали по гравии.

Харт нахмурился.

– Я просто подумал, что вам это поможет.

Мэг замерла, и глаза у нее стали размером с колеса его нового фаэтона.

– Вы шутите? Я столько лет была королевой среди подпиравших стены, что любое проявление внимания с чьей бы то ни было стороны мне льстит.

– Значит, договорились, – улыбнулся Харт. – Теперь вам пора возвращаться. Войдите в зал через те двери, что справа, а я подожду немного и войду в те, что слева.

Мэг постояла, словно в нерешительности, потом развернулась и пошла прочь. Ему не хотелось отпускать ее, поэтому он тихо сказал вслед:

– Увидимся завтра на балу у Кинлисов.

Глава 9

На следующий день, ближе к вечеру, Люси Хант сидела на кушетке гостиной дома родителей Мэг. Помещение не просто приводило в замешательство, а

вызывало шок. Обои на стенах висели клочьями, ковер был протерт до дыр, на потолке темнели отвратительные коричневые потеки, все мало-мальски ценные вещи, которые когда-то украшали комнату, были давно проданы, чтобы оплатить карточные долги отца семейства, и о наличии их здесь свидетельствовали лишь более темные пятна на видавшей виды мебели.

Изо всех сил стараясь унять дрожь в руках, Мэг из фарфорового чайника со сколами наливала герцогине чай, приготовленный на уже дважды использованной заварке. Люси приехала точно ко времени, отведенному для визитов, удивив Мэг и вогнав в ступор слуг, непривычных к появлению столь изысканно одетых гостей. Служанку спешно отправили за пиленным сахаром, который подавался в доме лишь по особым случаям.

– Моя дорогая мисс Тиммонс, не хотите ли рассказать, где вы были аж десять минут, когда отсутствовали вместе с Хартом в зале?

Люси подняла голову и пристально посмотрела на девушку. Сделав глоток, Мэг уже открыла было рот, но Люси не дала ей такой возможности:

– Я из сил выбилась, объясняя всем, что вы в дамской комнате: врала напрадалую, как самая настоящая дуэнья, – и вдруг узнала, что вы в это время где-то в парке прогуливаетесь с ним наедине.

Мэг вздохнула и, верная своим принципам (быть честной всегда и во всем), повозилась с крышкой чайника, чтобы потянуть время, призналась:

– Харт вывел меня на воздух, чтобы избавить от икоты.

– И?.. – театрально воскликнула Люси, вскинув брови.

– И это подействовало.

Девушка пододвинула серебряную сахарницу с драгоценными кусочками рафинада поближе к гостье, но та проигнорировала этот жест, выгнув темные брови.

– И какое лекарство, позвольте спросить, он употребил?

О боже! Главное – честность. Честность! Честность! Закончив разливать чай, Мэг поставила чайник на потускневший серебряный поднос и, тут же позабыв о нем, села напротив герцогини.

– Он поцеловал меня.

Надо отдать ей должное, Люси даже не моргнула: на ее лице вообще ничего не отразилось.

– Вы хотите сказать, что танец, который я организовала для вас прошлым вечером, за столь короткий промежуток времени обернулся полноценным поцелуем?

– Да, но все было совсем не так. – Мэг развела руки в стороны, как будто это могло что-то объяснить.

Люси склонила голову набок.

– Прошу прощения, но разве вы не сказали, что он поцеловал вас?

– Да, то есть... – Мэг сплела пальцы и опустила руки на колени.

Страшно хотелось взять запретный кусочек сахара, но мать потом запилит за это.

– Значит, все было именно так, – отрезала Люси, делая глоток совершенно несладкого чая, чашку с которым ей пришлось взять с подноса самой.

– Кстати, вы зря заставили Сару уговорить Харта потанцевать со мной: жалость унижительна.

Люси коснулась своего черного локона.

– Мужчина поцеловал вас, что вовсе не похоже на проявление жалости. Кроме того, какими бы нечистоплотными и нестандартными ни были мои методы, вы получили то, чего хотели: танец с Хартом. Разве не так?

Мэг смущенно потупилась.

- Да, но...

- Послушайте, дорогая, это свершилось. Порой желание что-то заполучить возникает после того, когда приходится предпринимать какие-то действия.

Мэг нахмурилась.

- Боюсь, я не очень вас понимаю...

Люси дернула плечиком.

- Иногда что-то становится желанным лишь после того, как оказалось в руках.

Мэг тоже взяла в руки чашку.

- При всем моем уважении к вам, ваша светлость, ваши слова полный абсурд.

- Да неужели? Например, когда я познакомилась с моим мужем Дерекком, первое, о чем подумала, чтобы он убрался с глаз долой, и как можно скорее, но он не убрался. Он был убежден, что должен жениться на Кассандре из чувства долга перед Джулианом, которого на тот момент мы все считали погибшим. Но это не важно. Важно, что Дерек никуда не исчез, и чем больше времени я проводила в его обществе, тем лучше понимала, что не хочу никому отдавать его, хотя это жутко усложнило ситуацию. Но это так, к слову.

Прижав пальцы к виску, Мэг попыталась не потерять важную для нее мысль.

- Я не хочу, чтобы Харта принуждали к чему бы то ни было.

- Не думаю, что танец с вами был ему в тягость: скорее наоборот - он явно получил удовольствие, раз поцеловал вас потом.

Люси подмигнула, а Мэг в смятении схватила сахарницу и протянула ей.

- Он просто пытался избавить меня от икоты.

- Какое, однако, необычное средство! Я, конечно, не стану целовать, скажем, лорда Крэнберри, если на него вдруг нападет икота, но - надо отдать должное Харту - это очень хорошая уловка, чтобы добиться поцелуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/valeri-boumen/moy-milyy-povesa>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)